

в эпоху Конвента, когда они стояли у власти. Между тем, в большой статье «Две линии в революции», появившейся накануне 1917 г., Плеханов-теоретик доказывал, что самый выгодный для будущей русской революции путь — это путь *восходящей* линии, т.-е. именно путь Великой французской революции, когда власть сперва попадет к умеренным буржуазным элементам, «конституционалистам» (октябристы и кадеты), потом к мелкой буржуазии («*трудовикам*»). «Наконец, после того, как движение примет самый широкий размах, властью овладеют крайние группы». Всего несколько месяцев спустя, еще при жизни Плеханова, это пророчество оправдалось *полностью и самым блестящим образом*. Министрство Львова—Гучкова—Милюкова сменилось министерством Керенского—Церетели, а его, в свою очередь, сменила власть Советов, власть Коммунистической партии.

И если Плеханов-практик, настроенный патриотически и антибольшевистски, не сочувствовал октябрьскому перевороту, то как теоретик революционного марксизма, глубокий знаток Великой французской революции и большой поклонник якобинцев, — он не мог не видеть в большевиках новых пролетарских якобинцев и не мог выступать против них так, как все почти остальные тогдашние социалисты. Он, правда, не примкнул к Советской власти, *хотя по основным своим убеждениям мог бы это сделать*. Но от нового падения его на этот раз спасли революционный такт и революционная диалектика марксизма...

3. Плеханов и Ленин

Плеханов разделил судьбу многих выдающихся вождей II Интернационала, которые предсказывали грядущую пролетарскую революцию, со всеми ее неизбежными особенностями и последствиями, но которые не поняли, не признали ее, когда она действительно пришла. Ибо одно дело — *писать о тактике будущей революции* и совсем другое дело — *проводить эту тактику во время самой революции*. В частности, к самому Плеханову особенно применимо известное уже нам изречение Маркса, что каждая революция совершается дважды: в первый раз — в головах, а затем — на деле. Плеханов был не только глубокий теоретик, но и превосходный *тактик* именно до тех пор, пока совершалась «революция

в головах», пока шла борьба за торжество революционной марксистской теории. Но как только начиналась «революция на деле», когда надо было действовать, давать боевые лозунги, непосредственно руководить массовой революционной борьбой, Плеханов, как мы видели, колебался, терялся и нередко делал ложные шаги. В этом смысле не случайным является тот факт, что именно 1903 г., период II съезда партии является наивысшим подъемом революционной смелости Плеханова и что вскоре после этого съезда начинаются его колебания и шатания. Именно в эту эпоху начинается в России полоса непосредственных революционных действий, и Российская социал-демократия из организации для пропаганды все более становится организацией борьбы, во время которой нужно не только рассуждать, но и действовать, и часто притом рискуя неудачей. И вот Плеханова, эмигранта, десятки лет оторванного от России и привыкшего больше бороться, по выражению Маркса, «оружием критики», чем «критикой оружия», оставляли нередко революционное чутье и яacobинские симпатии, когда дело доходило именно до «критики оружием»...

То же случилось с ним и в отношении к войне. Он высказывал правильные тактические взгляды, пока война оставалась лишь теоретической возможностью (так было в его докладе на Цюрихском конгрессе Интернационала 1893 г. и в его статье «Социализм и патриотизм», написанной уже в 1905 г.), и, подобно большинству марксистов II Интернационала, изменил этим взглядам, когда война стала реальным фактом, когда надо было ориентироваться в сложном положении, действовать и брать на себя огромную моральную и политическую ответственность, итти «против течения».

Полной противоположностью Плеханову был в этом смысле его ученик и последователь в области теории — Ленин. И сравнение между этими двумя историческими фигурами поможет нам еще более уяснить те особенности Плеханова, как революционера, которые сделали его на закате дней трагически одиноким, которые этого пророка пролетарской революции сделали ее противником, когда она началась не только у нас, но, как предвидел Ленин, и во всемирно-историческом масштабе.

И Плеханов, и Ленин были оба блестящими и боевыми материалистами-диалектиками, страстно убежденными мар-

ксистами, для которых теория была не простым украшением, не посторонним придатком к их практической деятельности, а именно самой сущностью этой деятельности, ее, так сказать, «душой». Оба они были непримиримы и нетерпимы в борьбе со всеми и всякими противниками той теории, которую они считали единственно правильной. И в течение ряда лет Плеханов и Ленин дружно боролись и с либералами, и с народниками, и с оппортунистами (а впоследствии и с «ликвидаторами»), в среде самой социал-демократии.

Но, в отличие от Ленина, главной особенностью которого было умение соединять глубоко-революционную теорию с такой же беспощадно-революционной практикой, Плеханов в течение всего своего марксистского периода был и оставался только писателем, теоретиком и полемистом. Революционный марксизм сделал его большим мастером в области революционной теории, включая также и теорию грядущей революции. Но эта революция рисовалась ему все же в несколько туманных очертаниях. Он выработал свое марксистское мирозерцание накануне возникновения II Интернационала, в эпоху, когда отзывались уже последние отголоски героической борьбы Парижской Коммуны, когда Европа вступила в длительную полосу «мирного развития», без войн и революций, когда почти все внимание социалистов было обращено на парламентскую борьбу.

Это обстоятельство сказалось, по всей вероятности, и на применении Плехановым диалектики, диалектического метода в практических вопросах. Диалектический метод есть умение схватывать каждое явление во всей его сложности и конкретности, в его внутренних противоречиях и непрерывных изменениях, в его постоянной связи со всеми окружающими явлениями. И мы знаем, с каким несравненным мастерством умел применять этот метод Ленин, как он изучал каждый вопрос именно в данной, конкретно-сложной и изменчиво-противоречивой обстановке, как он смеялся над отвлеченными формулами, над застывшими лозунгами.

Между тем, Плеханов, который с такой любовью изучал и популяризировал марксистскую диалектику, который прекрасно применял ее к доказательству того, что в России 80-х и начала 90-х годов имелись уже предпосылки для по-

явления будущей социал-демократической партии¹⁾, становился не раз из пронизательного вождя—*доктринером*, т.е. сухим книжником, повторявшим раз навсегда данные формулы, ворчавшим, когда революционная жизнь развивалась не по его рецептам. Для него, как мы уже знали, буржуазный характер русской революции был догмой, т.е. неизменным законом, незыблемым правилом; в мировой войне он видел только две силы: злодейский империализм Германии и добродетельную, «демократическую» Антанту, упорно повторял только фразу о нападающих и обороняющихся, которая годилась в 1870—1871 г.г. во время франко-прусской войны, но совсем неприменима была к войне империалистической.

В частности, в то время, как Ленин всегда чувствовал подлинное дыхание революции, Плеханов не всегда понимал, что в революции есть своя внутренняя, диалектическая логика, против которой бессильны самые умные доктринеры. И в этом отношении не он, а Ленин следовал истинным заветам Маркса, действуя согласно французской поговорке: «le vin est tiré, il faut le boire» — «раз вино откупорено, надо его выпить».

¹⁾ Вот как он доказывал эту мысль в 1892 г. всем противникам марксизма и всем сомневающимся из революционного лагеря: „Если бы в то время, когда мы занимаемся социалистической пропагандой между рабочими. Россия стояла на одном месте, то столь же неизменным оставалось бы и взаимное отношение общественных сил в нашей стране. Через десять, двадцать, тридцать лет самодержавие было бы так же сильно и прочно, как было оно при начале нашей пропаганды, то обстоятельство, что его ненавидело бы несколько тысяч „спропагандированных“ рабочих, уменьшило бы его прочность лишь на бесконечно малую величину, которая не имела бы ни малейшего практического значения. Но остаются ли неизменными общественные отношения России? Мы видели, что они очень быстро изменяются. Вместе с ними изменяется, стало быть, и взаимное отношение общественных сил. Самодержавие слабеет по мере того, как разлагается и разрушается в растрепанной его исторической почве. Вместе с тем, в ее болях и более крепнут те силы, столкновение с которыми приведет его к гибели. Это значит, что пока наша пропаганда вращается в революционной среде, история создает необходимую для их деятельности революционную среду; пока мы готовим руководителей революционной массы, офицеров и унтер-офицеров революционной армии,—сама эта армия создается неопровержимым образом общественным развитием. Но в таком случае можно ли говорить о бесплодности, о непродуктивности нашей деятельности? Не оказывается ли она, напротив, безусловно необходимой и единственно-плодотворной с революционной точки зрения?“

«Не надо было братья за оружие», — ворчал Плеханов из Женевы после поражения московского восстания в декабре 1905 г., когда еще не улеглось в стране революционное настроение.

Никогда не писал так Маркс по поводу Парижской Коммуны, хотя он знал, что эта героическая попытка была обречена на неудачу. Наоборот, он ободрял коммунаров во время их борьбы и пламенно прославлял их после поражения. Ленин резко напал на Плеханова за его оценку декабрьского восстания, а спустя 16 лет он с еще большей резкостью обрушился на бывшего германского коммуниста Пауля Леви за то, что тот выступил с разлагающей критикой в самый момент попытки коммунистического восстания в Германии.

Ложный, неправильный тон, который неоднократно брал Плеханов во время революций, объясняется еще тем, что у него не было того инстинктивного чутья, той гениальной интуиции, т.е. бессознательного умения схватывать самую суть данного положения, угадывать еще дремлющие зародыши великих грядущих событий,— словом, тех свойств, которые так были характерны для Ленина и без которых не может проявиться настоящий исторический гений. Как поразила всех своим кажущимся внутренним противоречием одна фраза из знаменитой речи Ленина, произнесенной им 4-го апреля 1917 г. на собрании всех с.-д. Петербургского Совета: «В Европе рабочий класс спит еще глубоким сном. Только маленькие кучки социалистов разных стран стоят на истинно-революционной позиции, но они в большинстве — в тюрьмах». И тем не менее, — говорил дальше Ленин, — неизбежная логика войны приведет эти спящие массы к восстанию.

То, чего не видел Плеханов, — пробуждение интернационального классового чувства сквозь весь патриотический угар, сквозь все оковы и путы империалистической реакции, — это он видел и чувствовал Ленин.

Но Ленин, кроме того, складывался в другую историческую эпоху и в другой международной обстановке, нежели Плеханов. Он был моложе Плеханова на 14 лет и выступил на историческую арену тогда, когда на Западе явственно намечалась новая фаза в развитии капитализма — империализм, эпоха его мирового владычества, а в России возрождались в 80-х годах борьба с царизмом, и расширялась,

становясь все более организованной, классовая борьба пролетариата. Поэтому в то время, когда Плеханов был уже вполне сложившимся человеком, с психологией, типичной для большинства даже наиболее левых вождей II Интернационала, с психологией, не шедшей дальше намеченных в Западной Европе форм классовой борьбы, у Ленина вырабатывался более широкий и глубокий социально-политический кругозор и закалялась революционная воля к действию, концентрировалась революционная энергия. В отличие от Плеханова, Ленин с давнего времени интересовался хищнической всемирной ролью капитала, интересовался национальным вопросом, которому — так же, как и вопросу об империализме — он придавал совершенно новое освещение; но особенно, тоже в отличие от Плеханова, интересовался он *крестьянством*, которое на Западе как бы стояло в стороне от большой исторической дороги, а в России, как в колонизируемых и эксплуатируемых европейским капиталом странах Востока, призвано было играть огромную революционную роль. Ленин и стал вождем пролетариата и крестьянства эпохи разлагающегося империализма.

Отличительной чертой характера Ленина являлась, как известно, страстная, упорная, сосредоточенная воля, а также изумительная цельность всего его духовного облика, изумительная устойчивость и верность себе, наконец вера в себя, в свои силы, в свою правоту и, может быть, бессознательное предчувствие своего исторического призвания, которое он отождествлял с исторической задачей пролетариата. Все эти свойства делали Ленина прирожденным вождем, тогда как у Плеханова именно свойств вождя не было. Сила воли и логическая настойчивость, с которой Ленин проводил свои убеждения, сказались уже в начале его сотрудничества с Плехановым. Как известно, первая аграрная программа Росс. соц. дем. раб. партии, требовавшая возвращения крестьянам отнятых у них в 1861 г. «отрезков» земли, была выдвинута Лениным. Она вызвала решительные возражения со стороны Плеханова, как и остальных редакторов «Искры». И тем не менее Ленину удалось силой своей логики и своей воли буквально навязать ее всей редакции «Искры». А спустя два года она была принята и II съездом партии.

В качестве прирожденного вождя Ленин был и превосходным организатором. Он сумел в течение ряда лет посте-

пенно подобрать и привязать к себе то основное ядро большевиков, из которого выросла нынешняя коммунистическая партия. Плеханов же в сущности с тех пор, как в конце 1903 г. разошелся с Лениным, почти всегда оставался одиноким или же окружал себя людьми, не оставившими никакого следа в политической жизни, если они — подобно бывшему большевику Алексинскому и многим другим — не ушли безвозвратно в лагерь открытой контр-революции.

В то же время Плеханов всегда давал почувствовать молодости, с которой он сталкивался, свое превосходство над нею, и это создавало атмосферу некоторой отчужденности, холодности в отношениях Плеханова к окружающим его более молодым членам партии. Наоборот, Ленин, будучи уже признанным вождем большевистской фракции, умел необычайно просто подойти к младшим товарищам и, как уже указывалось в печати, не жалел ни сил, ни времени, чтоб рассеять все их сомнения и недоумения.

На примере Плеханова и Ленина вполне подтверждается известная поговорка, что стиль — это человек, т.-е. в стиле человека, в его манере говорить или писать проявляется его характер. Плеханов был писателем по призванию, писателем не меньше, если не больше, чем политическим деятелем. Поэтому для него изящная форма, остроумное словечко, вовремя рассказанный смешной анекдот иногда заслоняли самое содержание и тем вызывали иногда в читателе или слушателе досадное чувство. Зато, когда он бывал в ударе, он доставлял прямо эстетическое наслаждение и покорял своим стилем даже противников.

Стиль Ленина представляет собою полную противоположность стилю Плеханова. В нем нет никакой «красоты», никаких особых манер или подходов. Как в своих сношениях с людьми или партиями Ленина всегда интересовала суть дела, а не его форма (кстати сказать, выражение «суть», и притом подчеркнутое, — одно из любимых слов Ленина), так и в своих речах и писаниях он всегда гонялся не за формой, а за содержанием и преследовал лишь одну цель: *убедить своих слушателей или читателей*. Но именно это страстное желание *убедить* придает всему, что написано Лениным, ему одному свойственную своеобразную форму, совершенно исключительный стиль, изучение которого представило бы благодарную задачу для специалистов в области языка и ли-

тературы. Свойства этого стиля можно определить, как *бессознательный метод социального гипнозизма*. Частыми подчеркиваниями, повторениями одних и тех же слов и оборотов, особенно повторением в разных прилагательных одного и того же определения Ленин как бы вбивает, вколачивает в головы читателей или слушателей свою мысль. Периоды его речи как бы усыпляют последние критические сомнения аудитории, уже расшатанные его железной логикой, и вместе с тем пронизывают всю ее единым чувством и единой волей.

При всей противоположности характеров Ленина и Плеханова, и даже тогда, когда их взгляды далеко расходились, они уважали друг друга, и каждый ценил в другом его силу. Характерно при этом, что если — европеец и эстет — Плеханов смотрел нередко на Ленина, как на «варвара», как на «черноземную силу», то Ленин, которому претила всякая фраза, охотно прощал Плеханову его мелкие слабости, преклонялся перед его умом и эрудицией (что не мешало ему, впрочем, спорить с Плехановым даже в области философии, в которой Георгий Валентинович чувствовал себя некоронованным королем и чрезвычайно ценил возможность его сотрудничества. Когда летом 1905 г., после женевской конференции меньшевиков, Плеханов с ними разошелся по организационному вопросу, Ленин попытался, правда, безуспешно, заключить с ним союз. А когда в 1910 г., снова разойдясь с меньшевиками из-за «ликвидаторства», Плеханов первый, после нескольких лет жестокой борьбы, протянул большевикам руку примирения, он был принят Лениным, как самый почетный гость и союзник. И всякий раз, когда перед партией вставала задача борьбы с идейным оппортунизмом, Ленин вспоминал огромные заслуги Плеханова в разработке марксистской теории и охотно прибегал к его авторитету.

Заключение

Итак, при всех своих колебаниях в вопросах тактики, при всех отступлениях в своей практической деятельности от истинного духа революционного марксизма, несмотря на неправильную оценку политического положения и нередко неправильное отношение к другим классам и партиям — в такие решающие моменты, как революция 1905—1907 г. г.,

война и обе революции 1917 г., — Плеханов все же *никогда не был изменником* рабочему делу, делу всей жизни, и до последнего вздоха оставался революционером и в теории и на практике.

Притом, не ошибается лишь тот, кто ничего не делает. А Плеханов был в высшей степени активной натурой, был борцом, хотя и идейным, в настоящем, высоком значении этого слова. Ошибки его тактики и внутрипартийной работы забудутся, но его роль, как продолжателя дела Маркса и Энгельса, как основоположника русского марксизма и основателя русской социал-демократии, как учителя многих поколений русской интеллигенции и русского пролетариата, самое существование которого в «варварской» России он первый открыл изумленному миру и которому он предсказал блестящую революционную будущность, — эта роль Плеханова дает ему право на бессмертие не только в глазах русских рабочих, но и в глазах рабочих всего мира.

Практические ошибки Плеханова забудутся. Но то стройное теоретическое здание, которое он создал, останется навсегда прочным достоянием и стойкой идейной опорой революционного марксизма. А для России он был, кроме того, достойным членом и ярким завершением той блестящей плеяды *просветителей*, которая начинается с Белинского и продолжается Чернышевским, Добролюбовым, Писаревым, Лавровым и Михайловским. Только в отличие от них, сохранивших много черт утопизма и мелкобуржуазного народнического социализма, Плеханов был первым и величайшим *просветителем-марксистом*, умевшим соединять холодную трезвость и ясность мысли с глубоко-революционным мирозерцанием и столь же революционным темпераментом.

И долго еще сознательные рабочие России будут выковыривать себе стройное, жизнерадостное и боевое марксистское мирозерцание — *по сочинениям Плеханова*.